

Искусство Франции под пятой фашизма

346
Фюрер сказал: «Франция — страна негроидов». Фюрер сказал: «Французская культура — культура низкороджденного народа». Розенберг провозгласил: «Французская литература, французское искусство показывают степень разложения народа, не знающего чистоты крови». Писателям говорилось: «Бальзак и Гюго — вырожда, ублюдки». От художников требовали: «Сохраняйте чистоту германской живописи, не подражайте негритянскому искусству Франции». Режиссерам внушали: «Французский театр антипатриотичен, это сплошная порнография». Архитекторам доказывали: «Французская архитектура легкомысленна и ничтожна».

Сказать и написать можно все, что угодно. Труднее — доказать. Пускались в ход ложь и подделка. Выпустили роскошную книгу с множеством иллюстраций: «Искусство Германии и Франции». Чтобы доказать, что Эйфелева башня уродлива, фотограф снял ее издали; маленький скульптурный единорог на бульваре заслонил собой башню; фотография действительно получила уродливой, башня — косой, единорог — безобразным; не выдавшие гениального творения Эйфеля могли подумать, что оно и невелико и непропорционально. Подробно смаковались в газетах самые пошлые парижские обозрения; они выдавались за «последний крик испорченной моды и дурного вкуса». Но ни словом не упоминалось о постановках Жуве и Бати. «Что такое Лувр? — восклицал на лекции фашистский профессор. — Собрание итальянских, испанских и голландских мастеров». Так одной фразой уничтожалась вся французская живопись.

Пришла война, и теория уступила место практике. Французская армия, преданная пособниками фашизма, откатывалась вглубь страны. Дороги и поля были забиты беженцами. Города не сопротивлялись. «Бомбентрегеры» обрушились на беззащитных людей и заодно — на беззащитное искусство.

Прежде всего с непонятным варварством, с каким-то болезненным сладострастием начали уничтожать старину. Как, в самом деле, потерпеть, чтобы во Франции остались великие творения прошлых веков, когда в своей собственной стране фашисты предали проклятию Гейне?

Когда-нибудь будет составлен подробный перечень всех разрушений, произведенных фашистами в Европе. Этот список займет несколько фолиантов. Сегодня мы едва ли знаем сотую долю ценностей, уничтоженных и разграбленных новыми вандалами.

В Амьене стоял готический собор XIII века. Собора больше нет. Его снесли фашистские бомбы. Другой готический собор, тоже XIII века, уничтожен в Лаоне. Это небольшие города. Никаких военных объектов там не было. Люди столетиями берегли эти памятники. Людоеды на самолетах, фашистские громы их уничтожили.

Руан называли «городом-музеем». Вероятно, именно поэтому Руан был забросан зажигательными бомбами. Старинная церковь святого Маклу, изумительное здание дворца правосудия, едва ли не во всем мире единственная сохранившаяся до наших дней целая улица домов XIV века, прославленные башенные часы — все погребено в огне. От города остались одни развалины.

В Туре родился Бальзак. Его рукописи и редчайшее собрание его портретов хранились в местном музее. Один из бездарных составителей «расовых альбомов», предназначенных для доказательства превосходства германской расы над остальными, не постеснялся поместить в своем «труде» портрет Бальзака с подписью: «Толстые губы — признак негритянского происхождения; одутловатое лицо — признак вырождения; произведения Бальзака с их многословием доказывают падение интеллекта; женитьба на польке свидетельствует о тяготении к низшей расе». Может быть, фашистские деточки читали этот бред, может быть, они не утруждают себя никаким чтением. Так или иначе, музей они сожгли. Рукописи величайшего писателя погибли.

В департаменте Жиен и в самом Жиене было много романских церквей. Памятники романской культуры чрезвычайно редки. В Жиене, кроме того, были здания эпохи Возрождения. Ясно, что именно церкви и старинные здания послужили мишенью для фашистской авиации, точно так же как музей Орлеана.

И опять-таки: никто не защищал этих городов, этих старинных церквей, зате-

рянных среди маленьких сел. Не было никакого сопротивления. Только по дорогам шли тысячи и сотни тысяч беженцев. Безнаказанные, опыленные садизмом разрушения, ослепленные ненавистью ко всякой культуре, фашистские «ассы» хвастались друг перед другом количеством уничтоженных человеческих жизней и древних памятников.

Они пришли в Париж. Сперва они набросились на еду и на одежду. Они заказывали себе омлеты из дюжины яиц и набивали за бесценку (окупационная марка!) полные чемоданы платья и обуви. Затем они перешли к культуре...

Много веков существует «Французский театр», известный больше под народным названием «Французская комедия». Этот театр видел премьеры Корнеля и Расина, Мольера и Гюго. Здесь хранились старинные традиции, здесь культивировалась напевная французская речь, здесь играли величайшие трагики и комики Франции: Тальма и Марс, Коклен старший и Коклен младший, Агар и Сара Бернар, Режан и Муэн Сюлли. В театре «Французской комедии» сегодня играет немецкая фашистская труппа. На сцене, где исполнялись почти исключительно классики, в «доме Мольера», бездарные халтурщики ставят фашистскую дребедень.

Жуве и Бати — в Швейцарии. Для Жуве, лучшего характерного актера Франции, знаменитого исполнителя роли Топсаза в театре и в кино, одного из лучших режиссеров, и для Бати, передового режиссера единственного общедоступного парижского театра (оба они считают себя учениками К. С. Станиславского), — при «новом порядке» не нашлось места во Франции.

Артысты, оставшиеся здесь, голодают. Они пробавляются случайными спектаклями в провинции, и часто всей труппе приходится делить 10—15 франков сбора. В Париже и других оккупированных городах процветают только мюзик-холлы. Оказывается, «последний крик испорченной моды и дурного вкуса» больше всего нравится оккупантам. Взятому в плен бойцами Красной Армии немецкому журналисту Вилли Эллерсу его друг писал из оккупированной Франции: «Это изумительное сочетание эротики и красоты». Можно себе представить это «изумительное сочетание» глубокой провинциальной халтуры и непотребства, которое привело в восторг фашистского «ценителя искусства».

Париж издавна был городом художников.

Французские художники забыли, как выглядит хлеб. Они дежурят на вокзалах, может быть, пондобится грузчик. Но грузчиков и так слишком много. Они собирают картофельные очистки. Но теперь редко выбрасывают очистки...

70-летний Марке уехал в провинцию. Но и там фашисты настигли его. Старик никогда не выступал как политический деятель. Его преступления — это только его картины. Поэтому он оставлен под домашним арестом. В таком же положении Ромэн Роллан. Человека, которого называли «совестью Франции», фашисты тоже держат под арестом.

Писателям негде писать. Прохвосты, выслуживающиеся у оккупантов, поучают: «Книг слишком много, писатели говорили о слишком многом. Нужно все переменить. Во-первых, изгоним из себя негра и еврея, которые сидят в каждом из нас. Затем предадимся постижению истин национал-социализма. Затем пойдем, что наша родина стала подчиненной страной, и омиримся. Тема подчинения — вот наша тема».

Но французские писатели не хотят писать о смиренни. Ни один сколько-либо крупный писатель не пошел на службу фашизму. В газетах, в редакциях журналов — никому неизвестные или заведомо продажные имена.

Гений французского народа встретился с фашистским злодейством. Но гений нельзя убить, а злодейством нельзя жить. Не в первый раз грязные и кровавые руки убийц тянутся к горлу французского народа. Можно сжечь книгу, разрезать картину, сломать здание. Нельзя убить творческий дух. Прусскую военницу народ Франции когда-то заклеил в творениях Золя и Мопассана. Злодейства фашизма обличат новые писатели, новые художники, сколько бы фашизм не преследовал свободную мысль, свободное слово.

О. САВИЧ